

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ДИСКУССИЕЙ О «КРИЗИСЕ» (ЭКОНОМИЧЕСКОЙ) НАУКИ

В.В. МУХАЧЕВ,

главный научный сотрудник, доктор философских наук, профессор,
Институт социально-политических исследований РАН,
e-mail: vadism@rambler.ru

Статья посвящена методологическим проблемам кризиса экономической науки, обусловленного, в первую очередь, тем, что изучение общества в целом находится «по ту сторону» материалистического понимания истории и в значительной мере под влиянием идеалистического мировоззрения и идеологических форм познания на социальную науку. Автор, отстаивая непреходящую ценность «метода Маркса» для науки об обществе, полемизирует с рядом зарубежных (М. Блауг, Т. Негиши) и российских исследователей (В. Автономов, В. Тамбовцев, В. Рязанов).

Ключевые слова: наука; мировоззрение; «неучтенный Маркс»; предпосылки теории; идеология; философия; «по ту сторону» материалистического понимания истории.

The article is devoted to methodological problems of the crisis in economic science which are caused, first of all, by that the society studying in general stands «on the other side» of materialistic understanding of the history and to a great extent under the influence of idealistic world outlook and ideological forms of knowledge of social science. The author stands for the imperishable value of the «method of Marx» and polemizes with some foreign (M. Blaug, T. Negeshi) and Russian researchers (V. Avtonomov, V. Tambovtzev, V. Ryazanov).

Keywords: science; world outlook; «unaccounted Marx»; ground and reasons of the theory; ideology; philosophy; «on the other side» of materialistic understanding of the history.

Коды классификатора JEL: B51

Название предлагаемой читателю статьи нуждается в предварительном авторском пояснении.

Во-первых, это касается *жанра* статьи, который определен как «размышления». Дело в том, что по образованию и своему профессионально-теоретическому опыту автор не экономист, а — сначала «философ», затем тот, кого принято сегодня называть «политологом». По личным же предпочтениям — историк социально-политической мысли, изучение которой всегда неразрывно связано с теоретико-методологическими вопросами познания. Поэтому, не претендуя на знание тонкостей экономической науки во всех ее проявлениях и сражающихся между собой течений, он хочет лишь поделиться теми мыслями, которые у него возникли при знакомстве с зарубежной и отечественной литературой, посвященной проблеме *кризиса* экономической теории.

Во-вторых, слово «кризис» взято в кавычки потому, что, соглашаясь с тем, что кризис есть, автор не берется быть судьей в споре экономистов, у которых на *этот* счет существуют разные мнения — от утвердительных до отрицательных. В данном случае для него этот вердикт (есть кризис, или его нет) не так принципиален, как признание *методологического* характера очевидных для обеих сторон трудностей экономического знания, который явно проступает за всей дискуссией о «кризисе».

В-третьих, слово «экономический» заключено в *скобки* потому, что, следуя материалистическому мировоззрению и признавая *фундаментальное* значение экономического знания для науки об обществе в целом, автор полагает, что методологические трудности в этой области неизбежно проецируются на познание «общества» в целом. Как на изучение его в виде целостной системы, что при существующей специализации знания об обществе сегодня является предметом социальной философии и социологии, так и на изучение отдельных частей (сторон) социума, изучаемых политологией, теорией государства и права и т.п.

Иными словами, кризис экономической науки, или ее «методологические трудности», тут же, модифицируясь, воспроизводятся иными науками об обществе и, тем самым, превращаются в дополнительные барьеры на пути познания современного этапа развития человечества. Поэтому для автора статьи методологические проблемы экономического знания являются «узловыми» для всего *научного* познания общества.

О чем и как спорят экономисты...

Разговоры о кризисе современной экономической науки, ее методологических трудностях начались на Западе тогда, когда в СССР полным ходом шло пришедшее на смену «строительства основ коммунизма» построение «развитого социализма», а первой заботой отечественных экономистов оставалось развитие «политэкономии социализма».

В уже далеком 1980 г. вышло первое издание сразу вызвавшей огромный интерес специалистов и получившей у них заслуженное признание книги М. Блауга «Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют». Ее автор, уже тогда известный специалист по истории экономической науки¹, в параграфе «Кризис современной экономической науки» последней главы («Выводы»), подводя итог проделанной работе, писал: «1960-е годы были десятилетием, когда общественный авторитет экономической науки и профессиональная эйфория экономистов достигли абсолютного пика. С другой стороны, в 1970-е годы в полный голос заговорили о «кризисе», «революции» и «контрреволюции», и это иногда превращалось в настоящую оргию самокритики со стороны некоторых ведущих представителей экономической профессии» [4, с. 357].

В качестве примера «оргии самокритики» Блауг сослался на В. Леонтьева, который в статье «Теоретические допущения и ненаблюдаемые факты» («American Economic Review», 1971) говорил, что научное сообщество озабочено «скорее воображаемой, гипотетической, чем наблюдаемой реальностью» [4, с. 357]. «Вину» за такое отношение экономистов к реальности Леонтьев, по словам Блауга, возлагал «на методологию инструментализма, или теоретизирование в стиле «как если бы» [4, с. 357].

Другим примером подобной самокритики для Блауга стала позиция Генри Фелпса Брауна, который в статье «Отсталость экономической теории» («Economic Journal», 1972) «пошел еще дальше, утверждая, что основной проблемой современной экономической теории является то, что ее предпосылки о человеческом поведении всецело произвольны, буквально «взяты с потолка» [4, с. 357]. Здесь же Блауг указал и на Дэвида Уорсвика, писавшего в статье «Возможен ли прогресс экономической науки?» («Economic Journal», 1972) о том, что «существуют целые направления абстрактной экономической теории, не имеющие связи с конкретными фактами и почти неотличимые от чистой математики» [4, с. 357–358].

И Браун, и Уорсвик, не говоря уже о нобелевском лауреате и президенте международной экономической Ассоциации В. Леонтьеве, для современной экономической мысли достаточно значительные авторы, чтобы можно было на их мнение не обратить внимания. И Блауг обратил. Здесь важно, что все три экономиста-теоретика фактически сошлись в своих претензиях к экономической теории. Это проявилось в том, что, указав на оторванность последней от конкретной реальности и излишней, отчасти связанной с ее математизацией, абстрактности, они связали этот изъян с игнорированием экономистами «наблюдаемой реальности», с принятием ими *нереальных* (воображаемых и потому «всецело произвольных») *предпосылок* теоретического анализа. (Уточним, что критике со стороны В. Леонтьева, Г.Ф. Брауна и Д. Уорсвика подвергалась *неоклассическая* теория, ставшая после II Мировой войны *основным* течением (main stream) современной экономической науки, и что именно методологические трудности «мэйнстрима» породили в последние десятилетия XX в. возникновение новых, ему *альтернативных*, теорий).

(Весьма симптоматичным в разговоре западных экономистов о «кризисе» экономической науки в те, 1970-е, годы выглядит свидетельство Блауга о том, что работавшие тогда в правительстве США экономисты (Макдугалл и Хеллер) соглашались со справедливостью большинства аргументов Леонтьева, Брауна и Уорсвика) [4, с. 358].

Что касается самого М. Блауга, признающего существование значительных методологических трудностей, беспокоящих экономистов еще «со времен Нассау Уильяма Сениора и Джона Стюарта Милля» (!) [4, с. 36], он выступает «в пользу *фальсификационизма*, определяемого как методологическая позиция, согласно которой теории и гипотезы считаются научными тогда и только тогда, когда сделанные на их основе прогнозы, по крайней мере в принципе, опровержимы, т. е. когда они исключают всякую возможность каких-то определенных действий, состояний или событий» [4, с. 19]. Отсюда и его основной вывод: «...Методологией, которая лучше всего поддерживает стремление экономистов к реальному знанию экономических взаимосвязей, является философия науки, связанная с именами Карла Поппера и Имре Лакатоша» [4, с. 34].

Именно с позиции принципа фальсификационизма Блауг, полагая, что «достижение идеала опровержимости в полной мере — это важнейшая цель экономической науки» [4], критически рассматривает различные теории «мэйнстрима», а также *альтернативные* «неоклассической исследовательской программе» теоретические течения.

В дополнение к сказанному здесь о методологических предпочтениях Блауга и с целью позиционирования его среди иных экономистов-методологов приведем суждение В. С. Автономова, который в написанной им для русского издания книги английского экономиста статье «За что

¹ В 1962 г. в США вышло первое издание капитального труда Блауга «Экономическая мысль в ретроспективе», который вскоре была переведен на основные европейские языки, а его автор заслуженно получил широкую известность и признание.

экономисты не любят методологов» писал так: «Эту точку зрения нельзя сегодня назвать преобладающей в научном сообществе. Большинство ученых-экономистов и сочувствующие им методологи экономической науки склонны в наши дни облегчать нормативные требования и допускать большую степень независимости экономических теорий от наблюдаемых фактов» [4, с. 14]. И далее: «Позиция Блауга противопоставляет его не только тем экономистам-неоклассикам, которые создают теоретические модели без оглядки на реальность, но и приверженцам методологического плюрализма (Б. Колдуэлл, Д. Макклоски), рассматривающим экономическую теорию как совокупность различных инструментов, эффективность которых невозможно сравнить, а потому равнодопустимых и равноправных» [4, с. 15].

Наверное, Блауг больше, чем многие другие экономисты-теоретики, «философ» и знаток «философии науки», что позволило ему по-своему (для большинства его коллег, возможно, по-новому) систематизировать как круг самих методологических проблем экономической науки, так и своеобразие многочисленных авторских позиций. Отсюда, вероятнее всего, и название первой части его книги — «То, что Вы всегда хотели узнать о философии науки, но боялись спросить». Отсюда же и повышенное внимание к его книге, вызвавшей «щелый поток новой литературы по методологии экономической науки», о чем Блауг упоминает в «Предисловии» ко второму изданию (Кэмбридж, 1992) этой работы [4, с. 17].

Этот «поток», можно быть уверенным, вновь прольется с новой силой из-за протекающего сегодня мирового экономического кризиса, начавшегося с кризиса ипотеки в США. Слова из аннотации русского издания (2004) книги Блауга, что ее автор «стремится выяснить, насколько «научна» экономическая наука, в какой мере она нацелена на объяснение реальных фактов», сегодня не менее злободневны, чем 20 или 30 лет назад.

Российские экономисты, в советское время по разным причинам в основном далекие от «буржуазной» политэкономии, ходом истории были вынуждены в постсоветской России сменить теоретическую (и идеологическую) ориентацию с «марксистско-ленинской» на «рыночно-капиталистическую» (и «либерально-демократическую»). Они довольно быстро освоили основное содержание теоретического багажа «чуждой» им ранее экономической мысли и скоро среди них появились сторонники и приверженцы как «мейнстрима», так и альтернативных ему концепций в виде институционального, поведенческого, эволюционного, а также посткейнсианского и неоавстрийского подходов.

Знакомство с новейшей историей мировой экономической мысли, ее противоречивым развитием, а также результаты начатых в России реформ неизбежно привели отечественных экономистов к участию со второй половины 90-х гг. в дискуссии о кризисе экономической науки. Правда, у нас, по наблюдению В.Л. Тамбовцева, эта дискуссия вылилась в «вялотекущий процесс» [19, с. 24]. Тем не менее, в ходе дискуссии российские экономисты согласились, что главной причиной теоретических разногласий между сторонниками «мейнстрима» и альтернативных ему концепций «камнем преткновения» стал вопрос о *предпосылках* современной экономической теории.

Например, тот же Тамбовцев, который, являясь сторонником неоклассической теории и считая кризис экономической науки «несуществующим», пишет: «В основе темы кризиса лежит громко заявляемая представителями неортодоксальных школ и течений неудовлетворенность *методологическими предпосылками* неоклассической теории, которые также хорошо известны...». И далее: «Казалось бы, вопрос о критике предпосылок давно, еще в начале 1950-х гг., «закрыт» доктриной М. Фридмана, однако жизнь показывает, что именно этот ответ и не удовлетворяет критиков-гетеродоксов. Более того, он не очень удовлетворяет и тех экономистов-теоретиков вполне ортодоксального толка, кому интересны задачи не только предсказания, но и объяснения, кто считает, что чисто феноменологические конструкции, сколь бы ни были они хороши в предсказательной функции, вовсе не обязательно являются такими же и в объяснительной функции. А предсказания без объяснения, причем объяснения субъективно убедительного, не представляются человеку надежными, т.е. удовлетворительными в чисто практическом плане.

...Так что вопрос о предпосылках (их реалистичности, адекватности и т.п.) *на деле* занимает исследователей (во всяком случае, часть из них), заставляя их откликаться на упомянутую методологическую критику» [19, с. 25–26].

Оставим пока в стороне *здесь* «второстепенные» (но в *ином* контексте принципиальные и потому выходящие на первый план) вопросы, возникающие из этого рассуждения. Например, вопрос о соотношении «объяснения» и «предсказания» как функций *науки*, а не теории вообще. Или о том, насколько возможно *научное* «предсказание» без *научного* «объяснения» и является ли *предсказание* функцией науки вообще?

Или вопрос о действительно *несуществующей* «чистой» практике, поскольку практика, или практическая деятельность людей, такая она есть, такая она и есть, и, какой бы она ни была, именно *такой* (без изъятий!) ее необходимо воспринимать и изучать, а не *очищать* от не отвечающих чьим-либо вкусовым и иным ощущениям «примесей». В отличие от теории практика для человека *науки*, озабоченного поиском *объективной*, лежащей *вне* этических и пр. оценок, истины, не может быть ни «чистой», ни «грязной», а является подлежащей изучению действительностью.

В приведенном рассуждении В.Л. Тамбовцева сейчас важно отметить признание того, что «методологические предпосылки» неоклассической теории, господствовавшей в мировой экономи-

ческой науке на протяжении нескольких десятилетий XX столетия и до сих пор составляющей ее «мэйнстрим», все более и более подвергаются критике из-за неспособности этой теории достаточно «реалистично» объяснить (экономическую) практику.

Для получения более полной картины методологических трудностей, с которыми сталкивается современная экономическая наука, обратимся к докладу В.С. Автономова «Проблемы методологии и структуры современной экономической науки и теория переходного периода», сделанному им на заседании Ученого совета ИМЭМО РАН в июне 1996 г. Выделив в структуре современной экономической науки «два основных потока» («мэйнстрим» и «альтернативы»), а также занимающий «промежуточное» положение в структуре экономического знания «новый институционализм», В.С. Автономов, который тоже близок к неоклассической теории, существование различных направлений экономических исследований также связал с вопросом о *предпосылках* научного поиска. Вот что говорилось в том докладе: «Главное различие между этими течениями («основным», или «мэйнстримом», и «альтернативами» — **В.М.**) состоит в различной степени абстракции при анализе экономических процессов. В основном течении приняты сильные упрощающие предпосылки относительно человека (экономическая рациональность или максимизация целевой функции при данных ограничениях) и окружающей его среды (модель совершенной конкуренции). Эти предпосылки позволяют экономистам работать с оптимальными (равновесными) состояниями и формализовать экономическую теорию в степени, недоступной другим общественным наукам... Однако повышенная абстрактность основного течения порождает и свои проблемы. Во всех науках есть проблема соотношения теории и фактов, но только в экономической теории она принимает форму противоречия (или выбора) между «реалистичностью» и «точностью» (*truth versus precision*). Для естественных наук за очень редкими и временными исключениями реалистичность и точность совпадают. Общественные науки вовсе не претендуют на точность. Промежуточный статус экономической теории порождает серьезную методологическую проблему. Многие великие экономисты и знатоки экономической теории (Леонтьев, Алле, Эрроу, Блауг, Хан и др.) признают значение этой проблемы и связывают перспективы экономической науки с ее разрешением» [1, с. 6].

Как и в случае с Тамбовцевым, оставим пока в стороне некорректное, о чем будет сказано ниже, утверждение Автономова, что «общественные науки не претендуют на точность», но обратим внимание на то, что здесь признается, что в неоклассической теории в отношении человека и окружающей его среды *приняты* «упрощающие»(!) предпосылки анализа. И что это — сознательно избираемое экономистами — *упрощение* порождает проблему «соотношения теории и фактов», которая вследствие «промежуточного статуса» экономического знания между естественными и общественными науками принимает, по мнению автора доклада (и не только его одного), форму противоречия между «реалистичностью» и «точностью».

С целью дальнейшей полноты и конкретизации сложившегося у экономистов представления о существующей в современной экономической науке проблеме «соотношения теории и фактов» и противоречия между «реалистичностью» и «точностью» воспроизведем еще ряд положений доклада В.С. Автономова, где говорится, что «степень абстракции основного течения тоже неоднородна»: «На уровне глубокой абстракции сформулированы наиболее общие закономерности экономической неоклассической теории (например, теория общего равновесия). Крупнейшими представителями этого формалистического направления среди современных экономистов можно считать Ж. Дебре и Р. Лукаса. Однако помимо этого формального направления в рамках основного течения существует и «эмпирическое», нацеленное не на дедукцию из абстрактных аксиом, а на объяснение и предсказание фактов и эмпирическую проверку полученных выводов» [1, с. 6].

Следующее наблюдение Автономова: «Между двумя направлениями мэйнстрима нет четкого «разделения труда». Конечно, теория общего равновесия, большая часть теории благосостояния полностью относятся к ведению формалистов... То, что экономисты формального направления не ориентированы на факты, не означает, что они не снисходят до более практических и злободневных вопросов... Но для «эмпирического» крыла мэйнстрима характерна дилемма точности и реалистичности. Анализ не поднимается до того уровня конкретности (или поверхностности), когда наряду с экономической рациональностью поведение экономического агента начинают определять традиции, правовые и моральные нормы, политические и другие факторы» [1, с. 6–7].

И еще: «Интересно, что с течением времени уровень формализации в основном течении возрастает. Это происходит как благодаря накоплению новых инструментов в уже освоенных неоклассической областях, так и путем распространения формалистической методологии на новые области экономической теории (наиболее показательна здесь «новая макроэкономика» Р. Лукаса и др., в значительной мере вытеснившая из «мэйнстрима» кейнсианство) и соседние общественные науки (экономический империализм).

...Самые конкретные, поверхностные уровни анализа остаются сферой обитания альтернативных основному течению подходов: институционального, поведенческого, эволюционного, в меньшей степени посткейнсианского и неоавстрийского. В частности, процесс экономических изменений в реальное время с самого начала стоял в центре внимания австрийской школы и отпочковавшейся от нее шумпетеровской теории экономического развития» [1, с. 7].

А вот и мнение самого В.С. Автономова по поводу признаваемой им «повышенной абстрактности» мэйнстрима и вытекающего отсюда противоречия между «реалистичностью» и «точностью»

знания: «Нельзя сказать, что более абстрактный анализ всегда хуже или лучше более конкретного (или, что то же самое, «точность» всегда хуже или лучше «реалистичности»). Там, где ситуация приближается к рынку совершенной конкуренции (однородный товар, большое количество равных по силе участников, полная и легко доступная информация, неизменные правила игры, в частности отсутствие непосредственного государственного вмешательства), например, на финансовых рынках, преимущества неоклассического подхода весьма ощутимы. По мере же нарастающего отклонения от идеальной модели, становятся весомыми достоинства альтернативных подходов» [1, с. 8].

Итак, в целом картина методологических трудностей современной экономической науки представляется (отечественным) экономистам-теоретикам в следующем виде. Господствующая в современной экономической науке и представляющая ее «мэйнстрим» неоклассическая теория характеризуется *упрощением* экономистами предпосылок теоретического анализа, что ведет к «повышенной абстрактности» знания. Все это порождает проблему «соотношения теории и фактов» в виде *противоречия* между якобы достигаемой в мэйнстриме «точностью» знания и отстаиваемой «альтернативными» теориями его, знания, «реалистичностью».

Эта картина подтверждается и дополняется выступлениями других российских экономистов. Например, С.А. Афонцев говорит о возможности «смягчить извечное противоречие между точностью и реалистичностью, свойственное экономической теории» и пытается ее найти [3, с. 23–29].

Обрастая новыми, порой очень важными для понимания сути методологических трудностей современной экономической науки, нюансами, аналогичная картина вырисовывается в докладе В.М. Полтеровича «Кризис экономической науки», сделанном им на научном семинаре «Неизвестная экономика» Отделения экономики в Центральном экономико-математическом институте (ЦЭМИ РАН).

Убежденный сторонник существования кризиса в современной экономической науке В.М. Полтерович полагает, что с середины 80-х гг. прошлого столетия методологические проблемы экономической теории «лишь углубились». Так, говоря о современном, после Второй мировой войны сложившемся, «стиле теоретизирования в экономике» и его связи с созданием «теории игр» (Дж. фон Нейман и О. Моргенштерн, 1944), теорией «социального выбора» (К. Эрроу, 1951) и разработкой *математической* модели общего экономического равновесия (Эрроу-Дебре, 1954, 1959), Полтерович в конце концов признает, что, «несмотря на многочисленные попытки, не удалось найти сколько-нибудь общие и естественные условия, обеспечивающие единственность и устойчивость равновесия», что «в модели равновесия» выявить специфику «функции полезности» «до сих пор не удается, а без этого ответы на многие фундаментальные вопросы теории не могут быть получены» [17, с. 55, 56].

Кроме очного (и заочного) обсуждения доклада Полтеровича, *непосредственно* теме «кризиса» современной экономической науки были посвящены и другие мероприятия и публикации. В их числе можно отметить ряд статей в журнале «Экономический вестник Ростовского государственного университета» (2003, том 1, № 3); выступления на теоретико-методологическом семинаре, организованном редакцией журнала «Проблемы современной экономики» [8], а также дискуссию вокруг доклада Д.Е. Сорокина, проведенную журналом «Эпистемология & Философия науки» [24]. Анализ представленных там точек зрения не входит в задачу настоящей статьи, поскольку они мало чего принципиально нового добавляют к упомянутым уже выступлениям. К тому же следует признать, что обсуждение «темы кризиса» современной экономической науки в среде российских ученых ни по своей проблематике, ни по «рецептам» преодоления методологических трудностей не выходит за пределы давно ведущейся на эту тему дискуссии западными экономистами.

Российские экономисты-теоретики пока еще остаются добросовестными *учениками* объемистого курса под названием «История *мировой* экономической мысли», портретная галерея которого за последние 350 лет преимущественно состоит из имен западноевропейских и северо-американских экономистов, тех ученых, которые, за редким исключением (Маркс, Р. Люксембург), еще недавно относились у нас к представителям «враждебной» буржуазной идеологии. С 1993 г., когда вышел первый выпуск альманаха «THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем», в «Предисловии» к которому говорилось о причинах выявившегося к тому времени глубокого кризиса российского обществоведения, его оторванности от мировой экономической мысли XX в. и незначительном количестве переводной литературы по экономической теории, прошло не так много времени [20, с. 7].

И, тем не менее, издание ряда капитальных работ зарубежных исследователей по истории и теории экономической мысли, а также различные теоретические семинары на эту тему (Институт мировой экономики и международных отношений, Институт экономики, Государственный университет — Высшая школа экономики и др.), принесли свои плоды. На ходу переучиваясь, российские экономисты за короткий срок сумели приобрести в новом для себя «учебном курсе» достаточно широкие знания, а с ними и понимание остроты методологических проблем, имманентных мировой экономической науке, но *собственных*, выходящих за круг идей западных экономистов, подходов к решению этих проблем они еще не нашли.

Между тем представляется, что у российских экономистов есть исторический шанс найти «ключ» к их решению. Для преодоления кризиса методологии экономического анализа им вовсе не требуется, как полагает А. Худокормов, «иной государственной идеологии, иной структуры частного

бизнеса, иных моделей финансирования науки» [23]. Хотя теоретическая работа (как и сознание в целом) в конце концов определяется бытием, ее результаты в значительной степени зависят и от личности самого исследователя. От его целеустремленности, диапазона знаний, силы и тренированности интеллекта, а также, безусловно, жизненной позиции. А. Смит, Д. Риккардо, М. Вебер, В. Парето, Л. Вальрас, Д.-М. Кейнс, не говоря уже о Марксе, жили и работали при *различных* во многом (государственных) «идеологиях», «структурах» частного бизнеса и «моделях» их собственного финансирования. Но всем им так или иначе удалось вписать свое имя в историю мировой экономической мысли.

О чем и почему молчат экономисты...

Вторая часть упомянутой книги Блауг озаглавлена «История экономической методологии». В ней «вехами» этой истории названы работы У.Н. Сениора (1827, 1836), Дж. Ст. Милля (1836, 1844, 1848), Э. Кернса (1875) и Дж. Н. Кейнса (1891) [4, с. 107–108]. При этом Блауг оговаривается, что более ранние экономисты — «Смит, Риккардо и Мальтус» — тоже имели свои методологические принципы, но «они просто не видели необходимости формулировать их в явном виде, вероятно, полагая, что такие очевидные вещи не нуждаются в защите» [4, с. 108].

Для советско-российского теоретика, экономиста в том числе, такой список «вех», казалось бы, должен выглядеть *неоправданно* неполным, поскольку в нем не нашлось места Марксу, который в «явном (!) виде» сформулировал собственные методологические принципы изучения общества и, последовательно следуя им в том же «Капитале», всегда *отстаивал* и *защищал* их. Впрочем, у большинства российских обществоведов, как расставшихся со своим существовавшим в виде догматического «марксизма-ленинизма» советским теоретическим багажом тех, кто в силу своего возраста пришел в науку не отягощенным этой догматикой, учение Маркса сегодня, как известно, не в моде.

Другое дело Блауг, который сам признавал: «Маркс подвергался переоценке, пересматривался, опровергался, его хоронили тысячекратно, ...но его идеи стали составной частью того мира представлений, в рамках которого мы мыслим» [5, с. 207]. Блауг, который никогда не отказывался от следующих своих слов: «Что бы ни думали о конечной обоснованности (validity) марксизма, надо иметь довольно слабые умственные способности, чтобы не увлечься героической попыткой Маркса дать обобщенное и систематизированное толкование «законов движения» капитализма» [5, с. 207]. И, тем не менее, среди *методологов* экономического знания XIX в. места Марксу он почему-то не нашел.

Упомянув и разбирая не один десяток работ, посвященных *предмету* и *методу* экономической науки, отдельно посвятив несколько страниц «логическому методу» современника Маркса, Кернса и его книге «Характер и логический метод политической экономии» (1875), Блауг словно забыл об авторе «Капитала». Так «забыл», будто ему неизвестны ни «Предисловие» к первому изданию «Капитала» (июль 1867 г.), где Маркс предполагал, что за исключением «раздела о форме стоимости, эта книга не представит трудностей для понимания» [9, т. 23, с. 6], ни «Послесловие» ко второму изданию «Капитала» (январь 1873 г.), когда его автор вынужден был написать обратное: «Метод, примененный в «Капитале», был плохо понят, что доказывается уже различными, противоречащими друг другу характеристиками его» [9, т. 23, с. 19].

Можно подумать, что Блауг также не знаком и «Предисловием» к французскому изданию этого капитального труда (март 1872 г.), где Маркс, уже столкнувшийся с непониманием его метода, предупредительно написал: «...метод исследования, которым я пользуюсь и который до сих пор не прилагался к экономическим вопросам, делает чтение первой главы очень трудным» [9, т. 23, с. 25].

Или, наконец, ему не доводилось читать параграф «Метод политической экономии» из написанного Марксом «Введения» к экономическим рукописям 1857–1858 гг., в котором он говорит о двух «путях» (методах) политической экономии — историческом и логическом. О том, что логический метод есть «метод восхождения от абстрактного к конкретному», где «конкретное потому конкретно, что оно есть синтез многих определений, следовательно, единство многообразного. В мышлении оно поэтому выступает как процесс синтеза, как результат, а не как исходный пункт, хотя оно представляет собой действительный исходный пункт и, вследствие этого, также исходный пункт созерцания и представления» [9, т. 12, с. 727].

Невольно возникает закономерный вопрос: «Почему один из признанных историков и методологов современной экономической науки не нашел места Марксу в истории «экономической *методологии*?»»

Еще можно понять (но не принять!), почему все экономисты исторически утвердившегося и существующего в капиталистической форме «рыночного хозяйства» не обсуждают марксовых наблюдений и рассуждений об объективных, связанных с историей классовых борьбы в буржуазном обществе *условиях* «научности» политической экономии. О тех исторических условиях труда ученого, о которых в том же «Послесловии» ко второму изданию «Капитала» Маркс писал: «С 1848 года капиталистическое производство быстро развилось в Германии и в настоящее время уже переживает горячку своего спекулятивного расцвета. Но к нашим профессиональным ученым судьба остается по-прежнему немилостивой. Пока у них была возможность заниматься политической эконо-

мией беспристрастно, в германской действительности отсутствовали современные экономические отношения. Когда же эти отношения появились, то налицо были уже такие обстоятельства, которые больше не допускали возможности беспристрастного изучения этих отношений в рамках буржуазного кругозора. Поскольку политическая экономия является буржуазной, т.е. поскольку она рассматривает капиталистический строй не как исторически преходящую ступень развития, а, наоборот, как абсолютную, конечную форму общественного производства, она может оставаться научной лишь до тех пор, пока классовая борьба находится в скрытом состоянии или обнаруживается лишь в единичных проявлениях» [9, т. 23, с. 14]. И далее: «Возьмем Англию. Ее классическая политическая экономия относится к периоду неразвитой классовой борьбы. Последний великий представитель английской классической экономики, Риккардо, в конце концов сознательно берет исходным пунктом своего исследования противоположность классовых интересов, заработной платы и прибыли, прибыли и земельной ренты, наивно рассматривая эту противоположность как естественный закон общественной жизни. Вместе с этим буржуазная наука достигла своего последнего, непереходимого предела. Еще при жизни Риккардо и в противоположность ему выступила критика буржуазной политической экономики в лице Сисмонди» [9, т. 23, с. 14].

Молчание приверженцев «рыночного (капиталистического) хозяйства» здесь понятно — намного проще и легче объявить классовую борьбу наемного труда и капитала затухающей и говорить о «всеобщем благосостоянии», чем попробовать определить и оценить свое собственное, чаще всего апологетическое, место в истории (буржуазной) политической экономики. Но почему все-таки в большинстве случаев старательно обходят и замалчивают сущность «метода Маркса», его логики?

Причина «заговора молчания» вокруг «метода Маркса» кроется в том, что, с одной стороны, методологические проблемы экономической науки сегодня, как и 100, и 200 лет назад, имеют под собой *мировоззренческую* основу, заключающуюся в ответе на основной вопрос познания: «что первично: сознание, или материя?». А с другой — *послемарксовская* («буржуазная») экономическая мысль, как и *домарксовская*, в мировоззренческом отношении остается под влиянием безраздельно господствовавшей тысячелетиями и продолжающей господствовать до сих пор *идеалистической* традиции мышления. Иначе говоря, все эти теоретики остаются *по ту сторону* «материалистического понимания истории», ставшего, по словам Энгельса, «великим открытием» Маркса.

Сказанное не означает, что Блауг или иные экономисты, а вместе с ними социологи и политологи Запада (и Востока), ничего слышали про материализм *Маркса*. В зарубежной литературе по истории экономической мысли можно встретить рассуждения, словно взятые из *советских* учебников. Например, в учебнике известного *японского* историка экономических учений Такаши Негеши можно прочесть: «Марксизм унаследовал три величайших интеллектуальных достижения XIX в.: немецкую классическую философию, английскую классическую экономику и французский социализм. ... Классическая школа была внеисторична в том смысле, что она пыталась найти универсальный закон капиталистической экономики, продолжающей существовать бесконечно. Маркс же подчеркивал, что капиталистический способ производства историчен и сменяем с точки зрения материалистического понимания истории, которое гегелевское идеалистическое понимание истории поставило с ног на голову, а в рамках марксизма оно снова было поставлено правильно. Утопический социализм должен быть заменен научным социализмом, основанном на марксовом понимании истории и марксистской экономической теории» [14, с. 37].

Конечно, ортодоксальный марксист, даже советского времени, но обращавшийся к работам Маркса и Энгельса *сверх* того, что ему вменялось «марксизмом-ленинизмом», мог бы здесь кое-что и уточнить. Например, заметить, что известные «величайшие интеллектуальные достижения» — не капитал, который можно в виде недвижимости или определенного количества ценных бумаг, от акций и векселей до денег, унаследовать, а затем преумножить или пустить на ветер, и что исследовательская лаборатория теоретика — не торговая лавка и не обменный пункт, а поэтому утопический социализм не мог быть механически *заменен* на «научный социализм», но должен был быть *преодолен* путем развития науки о социализме.

Также такой марксист мог бы указать на *неуклюжесть* той части текста Негеши, где говорится, что «капиталистический способ производства историчен и сменяем с точки зрения материалистического понимания истории, которое гегелевское идеалистическое понимание истории поставило с ног на голову, а в рамках марксизма оно снова было поставлено правильно». Построенная то ли самим Негеши, то ли его переводчиком, эта фраза в зависимости от того, к чему — материализму Маркса или идеализму Гегеля — отнести слово «которое», выглядит абсурдом. В одном случае она может быть прочтена так, будто материалистическое понимание истории Марксом поставило гегелевский идеализм ... «с ног на голову» (!), а не — «с головы на ноги», как это было на самом деле. В другом случае — так, будто само материалистическое понимание истории было поставлено опять-таки «с ног на голову» гегелевским идеализмом, а затем («в рамках марксизма») «снова было поставлено правильно».

Этот же марксист мог бы и *поправить* Негеши в его утверждении, будто материалистическое понимание истории «в рамках марксизма *снова* (!) было поставлено правильно», что уже неверно по причине *отсутствия* такового — материалистического понимания истории — до его открытия Марксом. Наконец, он также мог бы отметить еще одно ошибочное мнение японского экономиста,

указав, что для Маркса капитализм «историчен и сменяем» не с точки зрения *материалистического* понимания истории, как пишет Негеши, а с точки зрения диалектики как теории развития. В том числе и гегелевской идеалистической *диалектики*, поскольку именно она, о чем не раз писали сами Маркс и Энгельс, впервые указала на *преходящий* характер всего сущего.

Но не факт *упоминания* и, местами не точного, цитирования работ Маркса является определяющим для мировоззренческой позиции Негеши и других представителей экономической науки.

Главным и определяющим здесь остается то, что они до конца не осознали, что марксизм в экономике, как и других областях знания об обществе, противостоит классике и неоклассике, мейнстриму и альтернативным ему течениям *таким образом, каким* самый последовательный материализм противостоит всякому идеализму. Не только осознанно продекларированному и явному, но и едва проглядываемому, имплицитно существующему или только-только пустившему свои корни. Противостоит как такое *мировоззрение*, которое, чтобы не споткнуться и устоять, требует от его приверженцев решительной и непримиримой теоретической борьбы с любыми проявлениями идеализма или отступлениями от материализма [13].

Не случайно, в главе «Экономическая теория марксизма» работы по истории экономической мысли, Блауг говорит почти обо всем, вплоть до теории империализма Ленина, но ни одной фразой не затрагивает вопрос о материализме *Маркса*, его материалистическом понимании истории.

Непонимание *исключительности* материализма *Маркса*, возможности его применения к анализу отдельных сторон и явлений общественной жизни и получения «положительного» знания *через критику* соответствующих — как сознательных, так и неосознанных — *идеалистических* воззрений на общество проглядывает практически во всех макроэкономических теориях, почти у всех экономистов-теоретиков. И начинается это с определения *предпосылок* научного анализа, из-за чего как раз и ломают копыта сторонники мейнстрима и спорящих с ним направлений в экономической науке.

Материалистическое понимание истории, или идеализм как идеология в виде «философии науки» (хозяйства, политики, права и пр.)

Изложение материалистического понимания истории, ставшего его первым «великим открытием» (Ф. Энгельс), Маркс дал в главе «Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений», открывающей созданную им совместно с Энгельсом рукопись «Немецкой идеологии» (1846). Эта глава в *мировоззренческом* и, следовательно, *исходном (!)* для *методологии познания* отношении имеет исключительное значение для изучения жизни людей и истории человечества в целом. Именно здесь впервые (при этом наиболее полно и всесторонне, чем где-либо еще) Маркс описывает, противопоставляя его не только идеалисту Гегелю, но и (антропологическому) материалисту Фейербаху, свой метод познания общества, который составляет методологию всех его последующих работ, включая «Капитал».

Изложение «метода Маркса» открывается словами: «Предпосылки, с которых мы начинаем, — не произвольны, они не догмы; это — действительные предпосылки, от которых можно отвлечься только в воображении. Это — действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью. Таким образом предпосылки эти можно установить чисто эмпирическим путем.

Первая предпосылка всякой человеческой истории — это, конечно, существование живых человеческих индивидов» [10, с. 22–23].

28 декабря того же 1846 г. в письме к П.В. Анненкову то же самое, но очень лаконично Маркс передал следующими словами: «Что же такое общество, какова бы ни была его форма? Продукт взаимодействия людей» [9, т. 27, с. 402].

Именно *этой*, ставший сознательным применением и развитием стихийного (!) *естественнонаучного* материализма к истории людей, материализм *Маркса*, органично сливается у него с присущим ему пониманием и знанием диалектики как теории развития. *Диалектический* взгляд на общество как историю *эмпирически-конкретного*, «эмпирически существующих», *наблюдаемых* индивидов позволяет отображать жизнь людей как протекающий в определенных условиях процесс *развития*. «Когда изображается этот деятельный процесс жизни, — пишет Маркс, — история перестает быть собранием мертвых фактов, как у эмпириков, которые сами еще абстрактны, или же воображаемой деятельностью субъектов, какой она является у идеалистов» [10, с. 30].

При *такой* «первой предпосылке» становится очевидным, что, будучи *биосоциальным*, от природы зависящим существом, человек отличается от всех животных именно тем, что он обладает способностью *производить* необходимые ему продукты и обулаивать свою жизнь определенным, природе неизвестным образом.

В конце концов весь живой мир способен потреблять. Многие животные способны и распределять получаемые или отвоєванные ими от природы необходимые для их существования блага. Ведущие стадный образ жизни животные научились даже «коллективному» распределению. Но лишь

человек, начиная — с целью удовлетворения, в первую очередь, *насуточных* потребностей (needs) — производить, организывает свою *производственную* (экономическую) деятельность, на основе которой возникают и развиваются *новые* потребности и которая становится *основой* («фундаментом») всей его жизни и всей истории человечества. Производство и *непосредственно* связанные с ним отношения между людьми образуют, в марксовской терминологии, «базис», над которым возвышается (идеологическая) надстройка.

Никто еще в силу его достоверности и очевидности не опроверг это *сугубо эмпирический* факт, лежащий в основе наблюдения и рассуждения Маркса, но почти никто ему и не следует. В области экономического знания в том числе. Там сегодня господствуют *модельные* «предпосылки», обрекающие последующий теоретический анализ на признаваемую самими экономистами чрезмерной абстрактность [2; 16].

Вот одно из типичных для современной экономической теории рассуждений, которое в полной мере подтверждает сказанное нами: «Экономические школы в своих методологических построениях — явно или неявно — используют определенные представления о человеке, его природе и особенностях поведения» [18, с. 3]. И далее: «...ни одна теория не может избежать выбора своей модели человека, на основе которой разрабатывается логика экономического анализа. При этом те из них, которые ориентированы на использование сугубо экономического подхода и создание «чистой» теории, — это прежде всего классическое и неоклассическое направления экономической мысли, — выбирают в качестве предпосылки и единицы анализа абстрактного индивида — так называемого «экономического человека». ...Будучи абстракцией, она по мере укоренения капиталистически-рыночных отношений постепенно трансформируется из теоретической посылки в функциональное качество хозяйственного поведения индивидов, сводимого лишь к достижению экономической рациональности» [18, с. 3].

В *обобщенной* форме здесь довольно точно описана основная методологическая «предпосылка» (буржуазной) экономической науки. Не действительный, эмпирически существующий, индивид, а — (упрощенное) *представление* экономистов о нем, оформляющееся в виде некоей (формально-логической!) *модели* человека, модели «экономического человека», существующего только в представлении (!) экономистов как *абстракция*, — вот что составляет исходный пункт теоретических рассуждений *всех* экономических школ и направлений. Причем, не только «классики» и «неоклассики», но и всевозможных «альтернативных» им теоретических течений: от маргиналистов, у которых в отличие от классики акцент в сконструированной ими «модели человека» перенесен с производства на потребление, и «исторической школы» в Германии до ее отражения в американской экономической мысли в виде институционализма. Но никакие «институты» без живых людей ничего не значат, а эти люди имеют свои *потребности* и определяемые их местом в общественном производстве *интересы*, экономические в первую очередь.

Даже М. Вебер, считавший Маркса, несмотря на свою полемику с ним, «великим мыслителем» и полагавший, что социология должна ориентироваться на индивида или группы индивидов, их «социальное действие», не смог, как того требует последовательный материализм, принять человека таким, каков он есть, во всех проявлениях и полноте его деятельности. В конце концов, мы знаем, он пришел к *модели* «идеального типа», *образцом* которого избрал «целерациональное действие» [6].

Доходящее до противоположности различие между «предпосылками» теоретического анализа Маркса, с одной стороны, и экономистами иных школ и направлений носит, скажем еще и еще раз, *мировоззренческий* характер и является гносеологической (или, если это кому-то больше нравится, эпистемологической) противоположностью между материализмом и идеализмом, является той мировоззренческой проблемой, от обсуждения которой *послемарксовские* экономисты, впрочем, как и представители иных отраслей знания об обществе, упорно уходили и уходят в сторону. Начиная с упрощенного, абстрактного представления о человеке, «модельная» методология с научной точки зрения имеет для изучения общества, его различных сторон и протекающих в нем процессов ряд негативных следствий.

Во-первых, любая, хотя бы и сконструированная по правилам формальной логики, «модель» человека, будучи положенной исходным пунктом, предпосылкой теоретизирования, в мировоззренческом отношении лежит «по ту сторону» материализма и уже одним этим закрывает исследователю путь к постижению *объективной* истины как достаточно точному знанию сущности изучаемого *объекта*.

Такая мировоззренческая «оплошность» обрекает исследователя-теоретика на *интеллектуальную игру* в науку и наукообразное творчество. Не случайно неоклассика (и Блауг вместе с ней: «На протяжении этой книги я доказывал, что основная цель экономической теории — предсказывать, а не только понимать...» [4, с. 370]) главную задачу науки видит не в объяснении сущего, а... в предсказании. Это принципиально отличает экономический мейнстрим от методологии Маркса, которого, например, парижское издание «Revue Positiviste» упрекало в том, что в «Капитале» он не сочиняет «рецептов (контровских? [вопрос Маркса — В.М.]) для лаборатории будущего» [9, т. 23, с. 19].

Вообще, появление футурологии в виде особой, претендующей на научность области знания, а на самом деле представляющей собой *социальную* астрологию, равно как увлечение экономистов футурологическими *предсказаниями* — неизбежная расплата за отказ от материалистического приятия эмпирически-конкретной действительности во всей ее полноте и в том виде, как она суще-

ствуем. Выражающая в наукообразной, теоретико-схоластической форме свойство человеческой психики, благодаря которому, говоря словами одной песни, «устроены так люди», что «желают знать, что будет», футурология на деле оказывается слабее построенных на многолетних наблюдениях метеорологических прогнозов, а ее эвристические возможности не выходят за пределы того, что называется «предсказанием»...

Во-вторых, «модельное» отношение к человеку, в том числе сведение экономистами его *многогранной*, изначально чувственной деятельности к «рациональному» поведению, неизбежно порождает одностороннее и вместе с этим недиалектическое, метафизическое видение происходящего, что обрекает все последующее теоретизирование на догматизм и схоластику.

Между прочим, это уже хорошо понимали оппонировавшие религиозной схоластике средневековья «титаны Возрождения». По словам Томаса Мора, жители вымышленного им острова «Утопия» «в музыке, диалектике, науке счета и измерения» достигли того же, что и античные философы. Но при этом, иронизировал Мор, они «далеко уступают изобретениям и остроумным выдумкам новых диалектиков (религиозных схоластов — В.М.)» [12, с. 146]. В частности, саркастически замечает автор «Утопии», его утопийцы оказываются не в состоянии увидеть «так называемого «самого человека вообще». И это несмотря на то, что «это существо вполне колоссальное, больше любого гиганта» настолько, что на него «даже пальцем можно показать» [12, с. 146].

Примером такой схоластики является спор о «точности», на которой настаивает обогатившийся современным математическим аппаратом экономический мейнстрим, и «реалистичности», защищаемой — в полемике с мейнстримом — «альтернативными» теоретическими течениями. Постановка «альтернативами» вопроса о «реалистичности» знания потому и возникла, что предпосылки мейнстрима *условны* и потому *нереальны*. А при «нереальных», т.е. реально не существующих, предпосылках теоретического анализа никакая математика, эконометрика в том числе, не спасает, поскольку точность вычисления произвольно заданных, эфемерных условий задачи, не тождественна точности отражения бытия сознанием.

Возвращаясь к утверждению В.С. Автономова («общественные науки вовсе не претендуют на точность»), которое мы назвали ошибкой, поскольку оно противоречит известным фактам из истории мысли, сошлемся на примеры из самой экономической науки. Так, В.М. Полтерович приводит, например, мнение и аргументы Дж. фон Неймана и О. Моргенштерна в пользу проведения параллелей (и сравнения) между физикой и экономическими концепциями [17, с. 47–48]. Отталкиваясь от этого мнения, Полтерович, в свою очередь, добавляет, что, «как и во времена фон Неймана и Моргенштерна, мы не можем предложить формы организации экономического знания, принципиально отличные от тех, которые используются в естественных науках» [17, с. 48].

Таким образом, здесь признается не только существование претензии представителей общественных наук на точность знания, но и тот факт, что у современных экономистов *отсутствуют* принципиально отличные от естественных наук «формы организации экономического знания». Поэтому утверждение, будто «общественные науки не претендуют на точность», *одновременно* и неточно и нереалистично.

История же «претензий» теоретиков общественной жизни людей на «точность» знания, которая, начиная с естествознания нового времени, стала существеннейшей чертой науки вообще, без чего последняя не может существовать и перестает быть *наукой*, началась задолго до Неймана и Моргенштерна. Свои претензии на этот счет высказывали многие мыслители прошлого. Среди них был, конечно, и Маркс, который, осознанно выбрав и продолжив «линию Бэкона», в мировоззренческом отношении прочно связанную с естественнонаучным материализмом, уже в 1844–1845 гг. твердо встал на путь поиска «*опытной науки*» в изучении общества, методологическим «ключом» к которой стало открытое и развитое им материалистическое понимание истории.

В-третьих, не принимая материализма *Маркса* и, соответственно, не принимая «эмпирически-конкретное» таким, каким оно является, такие теоретики общества оказываются неспособными осознать и принять вытекающую из материалистического понимания истории (гносеологическую) противоположность между наукой и противостоящим ей «миром идеологии», существующему в виде «надстройки» над экономическим «базисом».

При предложенном Марксом понимании истории людей нетрудно признать, что «структура общества и государство постоянно возникают из жизненного процесса» самих индивидов [10, с. 28]. Но, делает важное добавление Маркс, индивидов «не таких, какими они могут казаться в собственном или чужом представлении, а таких, каковы они *в действительности*, т.е. как они действуют, материально производят и, следовательно, как они действительно проявляют себя при наличии определенных материальных, не зависящих от их произвола, предпосылок и условий» [10, с. 28].

Иными словами, и здесь Маркс ничего не фантазирует и не моделирует, а фиксирует то, что много и много раз замечалось другими и до него, а именно: людям свойственно видеть окружающий их мир и себя в нем не такими, каковы они есть на самом деле. Сущность и явление, как известно, не совпадают². В том числе и здесь. Многие общественные, экономические в том числе, явления в

² В III-м томе «Капитала», констатируя факт, что экономические отношения при капитализме проявляются в «отчужденной форме», Маркс усматривает в этом онтологическое основание науки и замечает, что «если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня». (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 383–384).

процессе развития выступают в новых для них, *превращенных* формах³, которые, отражаясь в быденном сознании, порождают *превратное* отражение, *иллюзорное* сознание, или идеологию. Иногда проблема «превращенных форм» экономических явлений и отношений привлекает внимание и современных российских экономистов [7].

Исходя из факта (объективного) существования идеологии, Маркс требует от науки (!) «всегда отличать материальный, с *естественнонаучной точностью* констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче — от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение (курсив мой — В.М.)» [9, т. 13, с. 7].

Наивным было бы полагать, что формальная принадлежность к институту науки гарантирует каждому профессиональному теоретику «прозрение» и наделяет его способностью беспристрастно и точно отражать (и познавать) объективную реальность. При отходе от материалистического понимания истории закономерным следствием неспособности материалистически «развести» науку и идеологию становится недооценка науки как *особой* формы познания и последующая ее идеологизация.

Рассматривая идеологию как «одну из сторон истории», «необходимый продукт» исторического развития и одновременно характеризуя ее как «превратное», «иллюзорное», «ложное» сознание, Маркс относил к ней все исторически предшествовавшие науке (*донаучные*) формы общественного сознания и познания, а именно: миф, религию, мораль, философию, право. Продолжая жить параллельно с наукой, эти формы выступают уже как *ненаучные* формы сознания (и познания). К области идеологии Маркс отнес и само государство, которое, по словам Энгельса, возвышается над людьми как «первая идеологическая сила» [9, т. 21, с. 311]. Соответственно выделенным формам *превратного, ложного* сознания, наряду с проповедниками религии, моралистами и философами, к числу идеологов были отнесены «юристы», «политики», «государственные деятели вообще» [10, с. 100].

Вся история человечества сопровождалась стремлением людей к познанию окружающего их мира и самих себя. Это вечное стремление людей к познанию и неудовлетворенность уже полученным знанием привели человечество к выработке им, вслед за мифом, таких форм (способов, типов) сознания (и познания), как мораль, религия, философия и, наконец, наука. У каждой из них своя, отвечающая той или иной потребности людей, гносеологическая и социальная функция и свое отношение к истине.

Наука потому и возникла, вслед за философией и в ее чреве путем отделения от нее, что философия как форма сознания и познания в силу своих особенностей не удовлетворяла потребности людей в *таком*, вполне адекватном объекту изучения и потому *точном*, знании, которое было бы *практически* приложимо. Но *такое* знание возможно только на основе *материалистического* мировоззрения.

Объективная «истина» в науке никоим образом не совпадает с *субъективной* «истиной» в морали, религии и философии. У них *разная* гносеологическая «природа». Не случайно с развитием представления людей об истории познания вслед за термином «гносеология», означающим «теорию познания», в ХХ в. для обозначения именно *научного* познания стал широко употребляться более узкий, более специальный термин «эпистемология».

Начав на рубеже 30–40-х гг. XIX в. свою теоретическую деятельность как блестящий, подающий большие надежды философ, Маркс уже в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» отдал приоритет экономической науке перед философией, а в 1845–1845 гг. окончательно определил ее место в истории познания как *донаучной* форме сознания, как *такой* форме сознания (и познания), которая сыграла огромную роль в становлении науки *путем отпочкования* от философии. С возникновением и развитием науки нового (и новейшего) времени претензия философии на научность в области изучения природы и общества только мешает развитию самой науки. Об этом не раз и определенно писали Маркс и Энгельс⁴. Окончательный вердикт философии как форме познания Маркс вынес в той же «Немецкой идеологии», где в афористической форме писал: «Философия и изучение действительного мира относятся друг к другу как онанизм и половая любовь» [9, т. 3, с. 225].

Любая, даже самая «материалистическая», философия в конце концов содержит в себе «червь» идеализма, чего никак не хотели признавать приверженцы догматической и схоластической «марксистско-ленинской философии» и о чем сегодня молчат их последователи. Даже Фейербах, чей антропологический материализм помог Марксу (и Энгельсу) освободиться от наследия гегельянства, не мог избежать *общей* для всех философов судьбы. По словам Маркса, он не смог «справиться с чувственностью без того, чтобы рассматривать ее «глазами» — т. е. через «очки» — *философа*» [10, с. 33]. Между прочим, это было предопределено тем, что предпосылкой философии Фейербаха, положившей *конец* немецкой классической философии, стала избранная им (антропологическая) «модель» человека, в силу чего, пишет Маркс, Фейербах «никогда не добирается до реально суще-

³ Анализ Марксом «превращенных форм» оказался, по замечанию Блауга, «первой и единственной в истории экономической мысли попыткой довести трудовую теорию стоимости до ее логического завершения». (Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. С. 210).

⁴ См. об этом подробнее: Мухачев В. Возвращаясь к пройденному, или философия pro и contra науки // Свободная мысль. 2008. № 8 и 9.

ствующих деятельных людей, а застревает на абстракции «человек» и потому «никогда не достигает понимания чувственного мира как совокупной, живой, чувственной деятельности составляющих его индивидов...» [10, с. 33, 36]. Отсюда общий вывод Маркса в отношении философии Фейербаха: «Поскольку Фейербах материалист, история лежит вне его поля зрения; поскольку же он рассматривает историю — он вовсе не материалист» [10, с. 33, 36].

«История» с Фейербахом лишь доказывает присутствие идеализма, хотя бы в латентной форме, в любой философии.

Интеллектуальная традиция философствовать, некогда оказывавшая услуги науке, но с развитием последней выродившаяся в интеллектуальный «онанизм», до сих пор сильна в современном мире. Особенно она сильна у интеллектуалов, людей образованных и ученых, склонных к теоретизированию, но далеких от практики, что мы наблюдаем на примере философии «политики» или «права», словно кто-то может сказать об этом лучше, чем было сказано Гегелем в его «Философии права».

Как всякая идеология является «необходимым продуктом» истории людей, так и возникновение и развитие философии когда-то было необходимым для совершенствования познания людей, отвечало их потребности спуститься с «небес» религии на землю. Но быть «необходимым», не означает быть вечным. Подобно тому, как господство еще более сильной из-за ее восприимчивости массовым сознанием религиозной идеологии было поколеблено в эпоху Возрождения, а затем, в конце концов, сломлено в эпоху Просвещения, так и философия как форма познания со временем будет полностью преодолена наукой и перестанет быть барьером на пути ее развития.

Претензия современной философии быть «учителем» и методом науки, видеть себя в качестве «философии науки» нелепа и для науки бесполезна, если не сказать вредна. На Западе, где принято говорить обо всем более свободно, открыто, чем у нас, не оглядываясь на условности «корпоративной этики», такая претензия философии вызывает обратную реакцию, что, например, можно видеть по позиции всегда мятежного, выступающего против всякого «методологического принуждения», но общепризнанного специалиста в области методологии науки П. Фейерабенда. Имея в виду хаотическое и потребностями самого познания не обусловленное появление разных частных отраслей «знания», он писал: «Незаконнорожденные дисциплины, подобно философии науки, которые никогда не сделали ни одного открытия, извлекают пользу из научного бума» [21, с. 457]. В чем-чем, а в этой оценке «философии науки» Фейерабенду, чье имя стоит в одном ряду с именами Куна и Лакотоша, можно верить — когда-то он сам преподавал эту дисциплину».

Понятно, что профессиональные «философы», как люди, «промышляющие философией» (Маркс), до конца, вопреки всему и всем будут отстаивать свой «кусочек хлеба». Но экономистам, чей предмет познания не столь эфемерен, не мешало бы задуматься над местом философии в истории познания и отнесением ее Марксом к разновидностям идеологии (= «ложного» сознания).

Для российских экономистов это не менее актуально, чем для других, поскольку в силу нерешенных методологических проблем собственной отрасли знания у них появилась и в виде целого направления оформилась своя «философия», представленная, прежде всего, издаваемым с 1999 г. на экономическом факультете МГУ журнале «Философия хозяйства». Главный редактор этого журнала, Ю.М. Осипов, «открывая» студентам глаза на мир, со страниц этого издания объявляет: «История человека (человечества) — это история сознания, история ноосферы, а потом уже предметная и событийная история» [15, с. 12]. Латентная форма идеализма современной науки о человеке и обществе здесь становится явной. Как отнестись к этому историку, тем более археологу или естествоиспытателю? А как быть экономисту с тем, что экономист-Осипов, взяв себе за образец «философию хозяйства» религиозного философа С.Н. Булгакова, сознание человека объявляет «источником хозяйства», а само хозяйство рассматривает как «реализацию сознания» [15, с. 12]?

Если не путать всякое теоретизирование, философствование в том числе, с наукой, то соглашаться не только с методологическим плюрализмом, но и открытой (от имени науки!) пропагандой идеалистического мировоззрения невозможно. В 1846 г. научившийся у Гегеля диалектическому мышлению Маркс написал, что «Гегель завершил позитивный идеализм» [10, с. 16]. Это, как и многое другое в теоретическом наследии Маркса, на что до сих пор научная общественность плотно закрывала и закрывает глаза, нужно или признать, или, найдя достаточно убедительные аргументы, опровергнуть.

Если признать, то следует согласиться с тем, что после Гегеля всякий идеализм по отношению к науке является «негативным» и потому для нее не только бесполезен, но и вреден. Отечественным экономистам в этом вопросе давно следует определиться. И при этом «не забыть», подобно Блаугу, теоретического вклада Маркса в методологию общественнознания, что прежде всего требует предварительного очищения марксизма от многочисленных псевдомарксистских наслоений, нанесенных на него идеологами «марксизма-ленинизма».

Хорошим подспорьем в этом, наряду с погружением в работы самих классиков марксизма, может послужить, несмотря на ее название и сохраняющийся пиетет автора перед философией, книга советско-испанского исследователя Домиана Претеля «От «философии марксизма» к философии Маркса» (М., 2003). Хотя в понимании и трактовке философии как формы познания автор этой книги и не следует полностью Марксу, но им немало сделано, в том числе путем обращения к «Капиталу»,

чтобы очистить мировоззрение и учение Маркса от чуждых ему наслоений «марксизма-ленинизма» вообще и «марксистско-ленинской философии» в том числе.

И еще. При стихийно сложившейся специализации в изучении общества, когда оно, будучи целым, механически разложено на отдельные части (политику, право, культуру и т.д.), все чаще и громче звучат справедливые требования об уходе от такой односторонности и некоем «синтезе» социальных наук, вплоть до создания «универсальной» теории. Звучат они и из стана теоретиков-экономистов [11; 22]. Однако последнее если возможно, то вряд ли целесообразно [22]. Существующее многообразие форм человеческой жизни, сведенное воедино, даст лишь тошную абстракцию, которая, что уже не раз бывало в истории мысли, и превратится в очередную систему догм, против чего всегда выступали Маркс и Энгельс.

Любая теория, сколь бы убедительной она ни была, не может быть «ключом» к познанию истории людей. Таким «ключом» может быть только *метод* исследования, и он уже существует в виде «метода Маркса», в основе которого лежит материалистическое понимание истории. Именно этот метод обеспечивает единый научный подход к изучению как общества в целом, так и его отдельных сторон, частей и явлений.

Общество — *системный* объект, основой которого является деятельность людей по производству материальных благ, направленная, в первую очередь, на удовлетворение их жизненно важных потребностей. Все остальное — разделение труда, появление и удовлетворение новых, в том числе духовных, потребностей людей и пр. — зависит от того, каким *способом* осуществляется эта производственная деятельность. Соответственно, *наука* об обществе может базироваться исключительно на *научной* экономической теории, позволяющей *научно* объяснять иные стороны и различные явления общественной жизни людей. Идеологические в том числе, как уже *надстроенные*, так и постоянно вновь *надстраивающиеся* и видоизменяющиеся в силу различных причин, которые, в конце концов, уходят своими корнями в экономику, существующий способ производства.

Поэтому только при наличии *научной* экономической теории будет оправдан и полезен наблюдаемый в последние десятилетия так называемый «экономический империализм».

И последнее. Обращаясь к работам Маркса, нужно всегда помнить следующие слова Энгельса: «Но все миропонимание [Auffassungsweise] Маркса — это не доктрина, а метод. Оно дает не готовые догмы, а отправные пункты для дальнейшего исследования и метод для этого исследования» [9, т. 39, с. 352]. Но этот метод полностью и всецело базируется на *материалистическом* мировоззрении, без которого со времен Маркса наука как *наука* существовать не может.

Человек науки должен быть выше всяких условностей, ложных корпоративных правил, идеологических ориентаций и т.п. Единственное, в чем он не может уйти от «борьбы партий», подняться над ней, так это в основном мировоззренческом вопросе. Современная наука об обществе в силу традиции и зависимости от государственной политики и идеологии хронически заражена идеализмом. В России в том числе. Свидетельством тому является тот факт, что под известным письмом «10-ти академиков» РАН, направленном против внедрения в светское образование «уроков православия» и включения теологии в перечень научных специальностей ВАКа, стояли подписи исключительно представителей *естественных* наук. В то же время под письмом их оппонентов, или «других академиков» — сторонников позиции РПЦ, из пяти подписей три принадлежали представителям общественности.

Оздоровление социальной науки материализмом может, как это показал и доказал Маркс, начаться, прежде всего, с экономической теории. Выше было сказано об историческом шансе российских экономистов преодолеть накопившиеся на протяжении длительного времени методологические трудности экономической теории. Это связано, прежде всего, с тем, что ни в одной стране мира, пожалуй, кроме Германии, где и сегодня продолжается проект «МЕГА», предусматривающий полное, 100-томное, издание работ Маркса и Энгельса на языке оригинала, нет такого количества *переведенных* работ этих теоретиков, какое содержится во втором, 50-томном, издании, которое было осуществлено в СССР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автономов В.С. Проблемы методологии и структуры современной экономической науки и теории переходного периода // К вопросу теории и практики переходного периода. М., 1996.
2. Автономов В.С. Модель человека в экономической науке. СПб., 1998.
3. Афонцев С.А. К методологии экономико-политического анализа проблем переходного периода // К вопросу теории и практики переходного периода. М., 1966.
4. Блауг М. Методология экономической науки, или как экономисты объясняют. М.: НИ «Вопросы экономики», 2004.
5. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994.
6. Гайдено П.П. Социология Макса Вебера // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
7. Квасов Р.А. Философия экономических отношений // Экономический Вестник Ростовского государственного университета. 2003. Т. 1. № 3.
8. К современной трактовке предмета и метода экономической науки // Проблемы современной экономики. 2004. № 1, 4.

9. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. (Новая публикация первой главы «Немецкой идеологии»). М., 1966.
11. Мизес Л. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. М., 2000.
12. Мор Т. Утопия. М., 1953.
13. Мухачев В.В. «Казенная» наука и феникс марксизма // Свободная мысль, 2010. № 6.
14. Негиши Т. История экономической теории. М., 1995.
15. Осипов Ю.М. Сознание и хозяйство, и философия хозяйства тоже // Философия хозяйства. М.: МГУ, 2009. № 2.
16. Очерки экономической антропологии. М., 1999.
17. Полтерович В.М. Кризис экономической науки // Экономическая наука современной России. М.: ЦЭМИ РАН, 1998. № 1.
18. Рязанов В.Т. Антропологический принцип в экономике // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2006. Серия 5. Вып. 1.
19. Тамбовцев В.Л. О кризисе в экономической науке // Экономический Вестник Ростовского государственного университета. 2003. Т. 1. № 3.
20. «THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем». М., Зима 1993. Т. 1. Вып. 1.
21. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986.
22. Хайлбронер Р.Л. Экономическая теория как универсальная наука // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. М., Зима 1993. Т. 1. Вып. 1.
23. Худокормов А. Современная экономическая теория Запада // Вопросы экономики. 2008. № 6.
24. Эпистемология & Философия науки. М.: Институт философии РАН. 2005. Т. 5. № 3.